

ФИЛОСОФИЯ*(шифр научной специальности: 09.00.11)*

УДК 101

Р.Р. Газизов*Башкирский государственный университет**г. Уфа, Россия*

rael888@mail.ru

**ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ РОССИИ:
ГУМАНИТАРНАЯ КУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНЫЙ ХРОНОТОП****[Rail R. Gazizov Experience of social research comparative studies of Russia:
the humanitarian culture and social chronotope]**

The article examines Russian social comparativistics, which is presented as the interaction of its past, present and future. Social comparative studies appears here as a methodological innovation in the social Sciences and Humanities. At the same time, the humanitarian culture itself, which overcomes the narrowly informative approach, acts as a watershed between the past and the present, and, thereby, ensures the realization of the creative forces of the individual and the whole society. The article examines the General spiritual atmosphere of Russia, the ideological picture of the world, the very possibility of the legality of the Western idea of the "torn" times or world eras of Russia. The concept of "social chronotope", which allows analyzing the times and subjects of the Russian society in dynamics, helps significantly in this matter.

Key words: social comparative studies of Russia, the era or "world age" of Russia, humanitarian culture, overcoming narrow informational approach, creative power of the individual, social "chronotope".

Исследование обусловлено анализом социальной компаративистики как методологического ресурса гуманитарных и социальных наук. В настоящее время наблюдается компаративистский сдвиг, связанный с нелинейностью исторического процесса. Авторы, озабоченные фактом «разорванности» пространств и времен России, указывают на «возможности локального воздействия на глобальные трансформации» [6, с. 203].

Философская компаративистика – важнейшая черта социальных и гуманитарных исследований. Если что-то и происходит положительного в других странах, то следует ли говорить о наличии или же отсутствии примерно такой же возможности у нас? Это рассуждение привлекает сегодня особое внимание.

Сама скорость распространения социальной информации нуждается в пристальном анализе. Люди имеют различия в самом восприятии информации и информационного капитала. Само отношение человека ко времени в эпоху глобализации связано с процессом завершения и воспроизводства его социальной работы. Опыт исследования социальной компаративистики России связан с рассмотрением самого образа в технологиях коммуникации человека. Отсюда целью настоящего исследования выступает социальная компаративистика современной России, которая скрывается за очертаниями, контурами взаимодействия информации и правовой культуры.

Понятие «инновации», замечает Е.И. Ярославцева, «становится новым способом при описании области исследования, а не просто нахождение новых сфер развития» [7, с. 313]. Понимание «инновации» обладает большим объемом. Оно фиксирует свое внимание на комплексной стороне творческих событий в жизни всего социума.

Времена России разорваны, практически, не пересекаются. В.Г. Федотова верно указывает на тот момент, что «настоящее меньше прошлого и будущего» [6, с. 203–204]. Россия – это страна пространств; время здесь «течет медленно и возвращается вспять. На этом спокойном фоне люди переменчивы и экстремальны» [6, с. 204]. Они стремятся к постоянному обновлению. В их детальности почти всегда присутствует новизна. Людей волнует вопрос, а каким образом осуществлять инновацию? Информация, в принципе, российского человека мало интересует; его интересует сама способность формироваться в культурном мире. Россиянин живет, существует не для того, чтобы жить или выживать, а потому он живет, чтобы пустые мгновения своего существования наполнить смыслом.

Не правы те авторы, которые думают о том, как выжить. Россиянина ничто не успокаивает. Он в своем душевном мире скрывает только «вопрошающее». Человек, находящийся или, лучше сказать, пребывающий в российском суперэтнотесе, озабочен всегда вопросом, а для чего он существует? А это, в сущности, уже духовный вопрос [1, с. 229]. Человек, принадлежащий к российскому суперэтнотесу, избегает всего смутного, но, тем не менее, развивается в еще никогда не существовавшее. Он пробует, мечтает, пытается что-то изменить. Его мысль устремлена к будущему, к еще небывалому роду.

Социальный хронотоп русского человека придает его социальной онтологии весьма динамичный характер, побуждает интерпретировать общество как

процесс, вторжение в который сопряжено с исследованием скрытых духовных энергий самой человеческой субъективности. Последняя, как правило, связана с отчуждением и свободой человека. Эти стороны деятельности людей, безусловно, сказываются на самом характере деятельности общества и времени воспроизводства социальных отношений.

Субъективный мир человека порождает множество пространств и времен, так как в самом человеке имеется множество «я», самосознаний. Но есть еще и самосознание, которое является важной потребностью человека в утверждении себя, в проявлении своего духовного «я», достойного самоопределения и самореализации своих «ядерных» сил социальности. Личность человека – это некий «ансамбль» общественных отношений. Личность – активный субъект, выразитель социальных и духовных отношений. В «Тезисах о Фейербахе» К. Маркс замечает, что «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [5, с. 3].

В человеке – много «Я»; это и «Я» социальное, «Я» духовное, «Я» абсолютное, «Я» трансцендентальное, «Я» эмпирическое и.т.д. Каждому виду «Я» соответствует своя пространственно-временная форма. Соответственно, и общество, где взаимодействуют индивиды, выступает проявлением таких взаимодействий, где определяющей является та или иная пространственно-временная структура.

Сегодня наше российское общество пытается «склеить» многие времена и пространства. Это, чаще всего, приводит к утрате собственного «Я». Сама абсолютизация субъектной стороны личности и ее свободы оборачивается произволом вседозволенностью свободой без границ, волюнтаризмом, когда сама воля человека рассматривается в качестве высшего принципа бытия. Если человек будет руководствоваться принципом воли, то перед нами будет маячить идея подлинности и мнимости самих эпох Российского социума. В конце XX века возникло представление о «чувстве» духовной фрустрации. Человек все далее и далее отдаляется от мировоззренческих истоков по мере того, как осуществляется процесс Просвещения. Модернизированный мир с его слитностью пространственно-временных структур сегодня можно расколдовать, превращая его видимость. Отличительной чертой социальной жизни модерна выступает его особый динамизм.

В настоящее время мы сталкиваемся с тремя взаимосвязанными факторами: разделением пространств и времен, с их опустошением, с отрывом социальных отношений от локальных контекстов, отдалением этих отношений от социальных институтов. Мы сталкиваемся с всеобъемлющей рефлексией, которая, видимо, составляет универсальное свойство человеческого поведения. Нам думается, что опыт исследования социальной компаративистики современной России сталкивается с самой радикализацией действия современных принципов.

Философский анализ социальной компаративистики России есть, по существу, все мыслимое мира и мира действительного. Философия современного мира отражает сам пафос позднего модерна. Это, в принципе, есть стремление высказать мысль, которая сопряжена с ответственностью за слово. Начало данному процессу положено гораздо раньше чем выявлено само слово «модерн». Последний есть самое непосредственное отношение к практике социальной жизни, которая соотносится со спецификой отношения между людьми, правами человека.

Опыт исследования социальной компаративистики России сопряжен с интересом к фрагментарному опыту людей. Эта фрагментарность согласуется с периодом самосознания культуры. В данном плане социальная компаративистика России оказывается сопряженной с образом человека «подмененного» в современном сложном и изменяющемся мире. Еще в античную эпоху само отношение сущности и образа впервые получает свое уникальное выражение.

В культурологических концепциях XX века проблема понимания компаративистских соотношений выходит за границы всего пространственно-временного континуума. Социальная компаративистика фиксирует в пространстве и времени человека, что позволяет осуществить компаративистский сдвиг в отношениях мифологического и индивидуального сознания.

Идея подмены вечного возвращением к общечеловеческим ценностям присутствует в интерпретации времени и пространства в социальной философии, которая обращается к пересмотру идеи цикличности на рубеже веков. Изменчивость и многообразие культурных форм становится рефлексивным выражением динамики развития современного общественно-культурного сознания.

Не постулируя схем исторического процесса, систем его ценностей и смыслов, социальная компаративистика опирается на опыт повседневной деятельности людей и продукты анализа социально-гуманитарного плана.

В плане исследования динамики социальных процессов и их циклического представления, сама методологическая функция социальной философии оказывается формой рационального знания, которое осознает прерывность социальных процессов и обеспечивает их эвристическое понимание в рамках пространственно-временного континуума.

Компаративистика современной России насквозь пронизана идеей социального хронотопа, как побуждением рассматривать прошлое, настоящее и будущее в качестве динамичных форм социального бытия. Прошлое зачастую начинают представлять в отрыве от социальных процессов, а будущее и настоящее представлять как различные компоненты и формы культурного, процессуального бытия. Сама структура прошлого времени оказывается далеко не внешней формой, в которую помещаются объекты и субъекты, а формой процессуальной взаимозависимости данных субъектов во времени. Социальный хронотоп России выкристаллизовывается как некая форма, связывающая воедино разные аспекты культурной процессуальности духовного и социального бытия [3].

В настоящее время Россия не в силах выступать в качестве «клея», который обеспечивал бы взаимосвязь различных компонентов социального бытия. Пространства и времена России, которая мучительным образом ищет свою культурную идентичность, отдалены друг от друга. Но все же все более опосредованными между ними становятся различные отношения и зависимости. Острота мышления современного человека, пребывающего в пространстве – времени российского социума, не позволяет самой социальной мысли быть чем-то праздным и напрасным. Но острота мышления, тем не менее, не должна становиться неким ремеслом, которое всегда связано с чем-то одним. Но не последним занят сам человек.

Для постановки в решении вопроса о роли человекосоотнесенных факторов в опыте исследования социальной компаративистики России большое значение имеют моменты, связанные со степенью глубины их влияния на познавательный процесс. «Является ли социальное воздействие только периферийным, – спрашивает Е.А. Мамчур, – затрагивая такие внешние аспекты познавательной деятельности, как выбор направления исследования, отбор анализируемых задач или под их детерминирующим воздействием оказывается само содержание научных идей?» [4, с. 31]. Через общую духовную атмосфе-

ру, мировоззренческую картину мира, через идеалы научного знания сливаются деятельность и предмет. Когда передаваемые слова расплывчаты, а предметы, как аффекты, могут переходить друг в друга, острая «игла» рефлексии работает не сама по себе, «а ради точности гравировки» [1, с. 230]. Такая мировоззренческая установка преследует выявление имплицитных расширений пространственно-временных структур.

Социальная компаративистика связана и исследованием дистанций субъектов и в отношении к власти. Это наука избегает неопределённости в отношениях между людьми. Однако сам опыт социальной компаративистики направлен и на осмысление размерности национальных культур. В качестве этой размерности выступает степень неопределенности относительно будущего. «Три параметра – управленческая ориентация, стабильность занятости и стресс были объединены в критерий, обозначенный как избежание неопределённости» [6, с. 206]. Данный критерий, причем в своём экстремальном виде вполне характеризует культуры, где «избежание неопределенности ведёт к бегству от свободы» [6, с. 206]. Когда в саму характеристику социального бытия, существующего в пространстве и во времени, вводится концепция «социального хронотопа», то мы начинаем осмысливать общественное бытие не только как процесс в духе классических представлений. Мы изначально стремимся представить общественное бытие как взаимосвязь процессов, как их некую «полифоническую» и эластичную совокупность. Современные времена России разорваны именно потому, что пространство и время России отличается механическим характером; оно выпрямляет пережитое ценой оцепенения. Это последнее неизбежно для чисто рационального измерения времени, для исторической хронологии. Времена России разорваны, поскольку просто соседствуют одно после другого. Для того, чтобы соразмерным образом исследовать историческое время и времена, связанные с социальными взаимодействиями, необходимо гораздо большее, чем изменение социального темпа.

Прошлое и настоящее России не может быть просто «картиной» социального мира. Ни прошлое, ни будущее России не могут перед нами представлять как «картина», т.е. как целостный образ мира, а только чисто метафорически. Поэтому встает проблема построения модели исторической и социальной динамики взаимосвязи культурных и социально-исторических процессов.

Такая модель, разумеется, не может быть каким-то одномерным пространственным изображением бытия настоящего или прошлого. По существу такая модель, или картина, не являлась и раньше таковой. В данном отношении социальная компаративистика предполагает различные понимания самого общества или представления различных обществ о времени. Например, особенностью модернизационных процессов, развернувшихся в современной России, является не просто малый учет прошлого в настоящем, но и, зачастую, игнорирование прошлого. Сегодня нет также ясных целей осуществляемой политики. Многие политические деятели думают, что хуже не будет и часто осуществляют непродуманные решения. Одних беспокоят западные ценности, замешанные на духе прагматизма; другие пытаются сделать ставку исключительно на развитии фермерских хозяйств; третьи уделяют главное внимание проблеме передела собственности. И эти решения есть, зачастую, наступление на одни и те же «грабли». Прошлое не просто входит в настоящее, но и начинает тяготеть как «кошмар» над ним. В результате, политика оказывается таковой, что прошлое решительно отрицается.

В историческом прошлом России есть целое множество позитивных и негативных моментов. В данном отношении Э. Холл, когда пытается схематически представить времена, мировые эпохи России, показывает, что эти эпохи отличаются разорванностью [8, р. 114]. Но он не учитывает, что эпоха сама отличается не только преобладающими «носителями» ее времени. Конечно, сегодня в России немало людей, живущих примитивным рассудком, готовых «откреститься» во имя комфорта, во имя всего приятного и удобного от богатого исторического прошлого, от культурного наследия, которое осваивать не так просто. Но сегодня есть еще личности, жизнь которых протекает не только по законам рассудка, но и по законом разума. Культурное наследие прошлого не отрицается, а становится основой развития настоящего и будущего. Кроме того, есть личности, которые обеспокоены за весь человеческий род; ими движет любовь к «дальнему» и они из смертных, таким образом, становятся бессмертными в духовном плане.

Поскольку субъекты российского социума взаимодействуют через временные и пространственные связи, они, зачастую составляют разные субъектные композиции, разные «сборные субъекты», социальные группы, классы, элиты и т.д. Есть малые общества, есть и большие общества. Но редко,

когда люди, образующие то или иное общество, уважают друг друга. Разумеется, и времена при этом разрываются. Люди стремятся пожить по своей глупой воле и, тем самым, выхолащивают содержательную компоненту времени. Если история не закончилась, то она разумеется будет протекать в формах применения времени, его наполнения интенсификации, синтеза качественных форм деятельности и человеческих взаимодействий [2].

Государства, культуры, цивилизации зачастую синхронно существуют в общем социальном пространстве. Но эти же культуры могут принадлежать к разным хронотопам. Социальный «хронотоп» – это, конечно, социальная форма, но форма динамическая. «Трактовка социального хронотопа, – пишет В.Е. Кемеров, – как динамической связи между социальными субъектами накладывает отпечаток на понимание и представление других социальных форм [3, с. 180]. В этом плане неоднородность социального времени России может быть осознана не только в плане разорванности ее времен, но и как распределенность между разными социальными субъектами или социальными системами, разделенными в социальном пространстве-времени, но, тем не менее, связанными различиями их деятельностей, целью, результатами. Дело поэтому заключается не в разных ритмах социального бытия, а в самом времени, которое находится не вне людей, а в самих их деятельностях, в их прямых и опосредованных культурных связях.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Блох Э.* Тюбингенское введение в философию / Пер. с нем. Т.Ю. Быстровой, С.Е. Вершинина, Д.И. Криушова. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1997.
2. *Гидденс Э.* Устройство общества. М., 2003.
3. *Кемеров В.Е.* Социальный хронотоп и трансформации современного обществознания // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки, 2013. № 4 (121).
4. *Мамчур Е.А.* Проблемы социокультурной детерминации научного знания. К дискуссиям в современной остпозитивистской философии науки / Отв. ред. Ю.В. Сачков. М.: Наука, 1987.

5. *Маркс К.* «Тезисы о Фейербахе» // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 3. М.: Государственное издательство политической литературы. 1955.
6. *Федотова В.Е.* Модернизация «другой» Европы. М., 1997.
7. *Ярославцева Е.* Человек в современной сетевой парадигме. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011.
8. *Hall E.T.* The Hidden Dimension. N.Y., L., Toronto. Sydney. Auckland. 1990.

R E F E R E N C E S

1. *Bloch E.* Of Tübingen introduction to philosophy / Ed. with this T.Y. Bystrova, S.E. Vershinina, D.I. Krausova. Ekaterinburg: Publishing house Ural. UN-TA, 1997.
2. *Giddens E.* Organization of a society. M., 2003.
3. *Kemerov V.E.* The Social chronotopos and the transformation of the modern social Sciences // Journal of Siberian Federal University. Ser. 3. Social Sciences. 2013. No. 4 (121).
4. *Mamchur E.A.* Problems of socio-cultural determination of scientific knowledge. To discussions in modern post-positivist philosophy of science / Resp. ed. Y.V. Sachkov. Moscow: Science, 1987.
5. *Marx K.* // *Marks K., Jengel's F.* Soch. 2nd ed. Vol. 3.
6. *Fedotova V.E.* Modernization of the "other" of Europe. M., 1997.
7. *Yaroslavtseva E.* Man in the modern network paradigm. M.: "Canon+" ROOI "Rehabilitation", 2011.
8. *Hall E.T.* The Hidden Dimension. N.Y., L., Toronto. Sydney. Auckland. 1990.

18 апреля 2018 г.
